

Т. К.Послесловие к ПОСЛАНИЯМ.

Я думаю, что хорошие стихи и хорошие поэты нуждаются в комментариях, и вот берусь написать их к Послесловию Ария Колкера, не имея ни навыка комментаторства, ни призвания критика. Все же в некотором отношении я могу это сделать лучше других: Послесловие написано на моих глазах, и я хорошо знаю,

из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.

Начну с того, что А. К. — поэт, практически лишенный читателя: девять журнальных публикаций, падающих на начало семидесятых годов, четыре выступления в Дрме Писателя, два манифестных сборника — вот все его выходы к читателю. Отсутствие осязаемого читателя вызывает у А. К., склонного к самоуничижению, самоотказ от титула поэт. Недостаток внимания к его работе — вот возможная причина, объясняющая и оправдывающая максимализм А. К., его резкие высказывания и декларативность, которая, к счастью, не касается стихов. В своих лучших стихах А. К. серьезен и до непримиримости требователен к себе. Говорят, у поэта в конце жизни было всего 6 читателей — но среди них: А. Голостой, Страхов, Соловьев, — те, кто формировал тогда волну общественного мнения, которой принадлежало будущее. Теперь общественного мнения вообще не существует — и поэтому двадцатка внимательных читателей А. К., людей незаурядных, но разобщенных, не составляют читательской аудитории. Поэтому же мы не можем ждать милости от природы: приходится комментировать книгу своими слабыми силами.

А. К. тяготеет к определению, к формуле, к точности не только лексической или тональной, но порой и графической; к педантизму, к композиционной и стилистической законченности. В книге нет ни одной неточной рифмы. Одни, неточные по написанию, подкреплены традицией — и точны в смысле традиции; другие точны во всех смыслах. Любимая сентенция А. К. состоит в утверждении, что русская классическая рифма так же неисчерпаема, как атом. Он продолжает невозмутимо рифмовать кровь — любовь и век —

человек, и оскормны у читателя не возникает. Настойчиво подчеркиваемый педантизм в области формы иногда приводит к скованности и мешает /мне, во всяком случае/, но чаще дает удивительное ощущение ясности, цельности, замкнутости - отдельного стихотворения и всей поэтической системы А.К. ... Как у многих, у А.К. был период неудовлетворенности точной рифмой, когда она казалась ему недемократичной, несвоевременной, - где-то между 1963 и 1970; сюда попадают годы студенчества, поэтических неудач и паники. В 1970 поэт вернулся к тому, на чем стоял до 1963, - к классической манере, я бы сказала: к воинствующему классицизму. Классицизм А.К. - это, в известной мере, тяга к рациональному в наш иррациональный век, когда разум перестал определять поступки. Вслед за Ахматовой А.К. говорит: мы еще очень недавно пишем стихи, - что нами три века перед тремя тысячелетиями непрерывающейся поэтической традиции Китая! Молодость русского стиха, архаичность русского языка - делает, по его мнению, несвоевременными так называемых новаторов футуристического толка - как представителей очень старого и в целом неудавшегося эксперимента.

Обращение к традиции видно в Послесловии во всем. Все три названия разделов - Жизнь моего приятеля, Попытка ревности, Сети - взяты из классиков - Эзопа, Цветаевой, Кузмина; название цикла На смерть поэта - из горячо любимого Лермонтова.

Как будто тайн поэзии святых
Ты новоизбранный причастник.
/Послесловие, 44/

- парафраза из Варатынского; строка

Подушевет-подутьма наших северных дней
/Послесловие, 29

- парафраза из Анненского; последняя строка стихотворения "И ламы мой город, я был тебе сыном" /Послесловие, 60/ - выдержка из Анненского. Но даже если всего этого не знать, то и тогда видно, как последовательно А.К. отстаивает свою преемственность, видно, откуда он черпает и чего сторонится. Впрочем, черпает он, как теперь говорят, из жизни. Послесловие принадлежит второй половине XX столетия и трущобам вблизи Литейного моста - место и время в стихах прямо обозначены.

Тенденционные стихи собраны в разделе Сети. Первая половина

из них - стихи без героя, и здесь, пожалуй, главные неудачи. Но их нельзя отбросить: они - память страшного периода опустошенности, вызванного внешними и внутренними причинами /вынужденный отказ от научной, а затем от литературной карьеры, тягостный быт, смерть отца, религиозные поиски/. И всё же это настоящие стихи, даже самые неудачные из них; они написаны глубоко страдающим человеком - в этом их ценность и сила. Их можно не принимать, как многие не принимают тенденциозные стихи Тытчева /например, А.К., называющий их империалистическими/, но откинуть нельзя. Насаждаемое сейчас настроение всеобщего патриотизма в самом дурном смысле этого слова - невыносимо для поэта, - отсюда, как ответная реакция на пошлость, декларируемая ненависть к России, которая, если приглядеться - любовь-ненависть. Вспомним Лермонтова... а лучше - Ходасевича:

И вот, Россия, громкая держава,
Её соски губами теребя,
И высосал мучительное право -
Любить тебя и проклинать тебя.

А.К. стрижает патриотизм энергично, со сенкой на авторитеты, с религиозных позиций, но всё это - борьба с пошлостью, с человеконенавистничеством. "Пошлость наступает, - говорит А.К., - она - слабая степень фашизма, а фашизм - сублимация пошлости, её логическое завершение. Альтернатива пошлости - стихи. У поэта есть только одна форма патриотизма: защищая язык, он защищает родину". - Легко предсказать, что эти эффектные формулы, которые А.К. вынашивал годами, будут понаты и приняты лишь немногими.

Послесловие - книга смежевания. А.К. рвет все связи и, по чисто русскому обыкновению, отталкивает от себя даже единомышленников, если они в чем-то с ним не согласны. Это обидно, но, кажется, тут ничего не поделаешь. А.К. смежевается даже с поэзией, составляющей главное счастье и главное мучение его жизни. Гнетущая атмосфера катастрофы возрастает по мере продвижения к концу книги. Трагическая нота, намеченная в первых стихотворениях, в последних формирует главную тему. Заключительное слово книги - смерть: герой погибает, но итог всё же оптимистичен, ибо

Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех его скорбей.

Даже самые мрачные стихи Послесловия вызывают приподнятое состояние духа и - надежду; потому что это настоящие стихи...

Почти все стихотворения книги хотелось бы прокомментировать отдельно, но пока отмечу только два характерных. Одно из самых замечательных и любимых мной стихотворений - посвящение А. Лукьянскому /5/. Здесь всё просто; рифмы - высоко-глубоко, письма-зима, - но какая удивительная точность исполнения, прозрачность, легкость, обилие воздуха, ясное ощущение полета... и грусть - словом, всё то, что хотел выразить поэт, что он чувствует, наблюдая одинокую чайку в конце зимы - и вспоминая навсегда уехавшего друга. Эти и многие другие стихи кажутся изящными рисунками тушью на белой бумаге... Целная им противоположность - стихотворение "Плачь, мой город, я был тебе сыном"; изматывающая атмосфера багряной смеси - любви и ненависти, прощание с жизнью. Но и здесь - та же отчетливость. Перед нами некое монолитное сооружение, где каждое слово и каждый знак препинания помещены на только им положенные места; между ними не вставить конец нога - как между глыбами, слагающими храмы древних инков, - постройка столь же мрачная. Здесь соединительный раствор не нужен: компоненты образуют нерасторжимое целое с помощью более надежной связи - человеческого духа...